

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Зобнин Василий Сергеевич

Теория конфедерации в отечественной политико-правовой мысли

РЕЗЮМЕ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
Сафонов Александр Александрович,
доктор юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор

Москва - 2024

Диссертация выполнена в департаменте теории права и сравнительного правоведения факультета права федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

С текстом диссертации можно ознакомиться на сайте НИУ ВШЭ:
<https://www.hse.ru/sci/diss/>

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования обусловлена трудностями, с которыми сталкиваются российские ученые при изучении категории конфедерации. Данная категория не является чем-то новым и чуждым российской юриспруденции: о ней упоминали уже дореволюционные правоведы. Вместе с тем исследовательский потенциал данной категории не исчерпан: в настоящий момент в российской науке не выработано общего понимания сущности конфедерации – между разными подходами существуют значительные противоречия. Как отмечает В.Б. Лиляк, «традиционно выделяемые» признаки конфедерации «опровергаются объективной международно-правовой реальностью»¹. Схожая ситуация наблюдается в зарубежной науке, что лучше всего описывает высказывание Ф. Листера о конфедерации: «хотя этот термин <...> широко используется <...> в общем смысле, как если бы он был слишком хорошо известен, чтобы нуждаться в определении или дальнейшем изучении, дело обстоит как раз наоборот»². И российская, и зарубежная наука при исследовании данной категории встречаются со значительными затруднениями, которые, не являясь случайными и ситуативными, носят объективный характер и требуют изучения.

Применительно к современной науке можно говорить о росте интереса к категории конфедерации, что обуславливает необходимость системного обобщения и исследования представлений в данной сфере. Рост интереса объясним с учетом возможностей применения конфедеративных конструкций в современном мире. Так, в отношении зарубежной литературы С. Сун (Xi. Song) отмечает оптимистичный настрой «по поводу блестящих перспектив возрождения конфедерализма»³. Данные перспективы обуславливаются, по мнению М. Форсайта

¹ Лиляк, В.Б. Институт конфедерации как форма государственного союза // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2011. № 2. С. 29.

² Цит. по: Сун, С. Конфедерализм: Обзор новейшей литературы / Практика федерализма. Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии / под ред. Б. Копитерс, Д. Дарчиашвили, Н. Акаба. М.: Весь Мир, 1999. С. 284.

³ Там же. С. 285, 296.

(M. Forsyth), двумя мотивами: позитивным, который отражает стремление к «более тесной форме ассоциации <...>, чем просто "международные отношения"», и негативным, выражающим стремление отдельных частей единого государства к политической самостоятельности⁴. Оба этих мотива можно встретить на постсоветском пространстве. В связи с этим интерес к категории конфедерации среди отечественных правоведов объясним с учетом потенциального значения конфедеративных конструкций для российской внешнеполитической практики.

Во-первых, конфедеративные конструкции могут являться политико-правовым воплощением интеграционных процессов, что представляется весьма актуальным для постсоветского пространства. В рамках интеграционных процессов в настоящее время Российская Федерация принимает участие в ряде межгосударственных объединений. Правовая квалификация таких объединений, как Содружество независимых государств (далее – СНГ), Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС), Союзное государство России и Беларуси, предполагает в том числе обращение к категории конфедерации.

Во-вторых, конфедеративные конструкции могут быть использованы как средство «налаживания мирного сосуществования» общностей в ситуации социальной «напряженности», сопряженной с рисками распада государства⁵. Так, конфедерализация отношений рассматривалась в контексте поиска решения грузино-абхазского конфликта⁶. Способствование Российской Федерации такому способу урегулирования грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов с учетом признания независимости Абхазии и Южной Осетии в настоящее время маловероятно. Вместе с тем нельзя исключать применение конфедеративных механизмов для решения иных конфликтов на постсоветском пространстве, урегулированию которых может содействовать Российская Федерация.

⁴ Forsyth, M. Towards a new concept of confederation / The modern concept of confederation. Santorini, 22-25 September 1994. Science and technique of democracy № 11. [s.l.]: Council of Europe Publishing, 1994. P. 65-66.

⁵ См.: Сун, С. Указ. соч. С. 297.

⁶ Там же. С. 297-298.

Объектом исследования избрана отечественная теория конфедерации, под которой нами понимается совокупность доктринальных представлений о данной категории в отечественной политико-правовой мысли. Объект исследования является в значительной мере неоднородным, поскольку конфедерации изучалась с разных позиций различными юридическими дисциплинами (в работе рассматриваются представления в теории государства и права, государственном (конституционном) и международном праве).

Объект исследования ограничивается **хронологическими рамками** со второй половины XIX века по настоящее время. Довольно долго отечественная политико-правовая мысль обходила вниманием проблематику соединений государств. Смежной категории союзного государства в лекционном курсе «Право естественное», читавшимся А.П. Куницыным в Царскосельском лицее и изданном в 1818 и 1920 годах, уделено лишь «два небольших параграфа»⁷. Трудов, которые бы были посвящены конфедерации, в отечественной правовой литературе до второй половины XIX века не обнаружено вовсе. При этом в рамках исследования рассматривается отечественная политико-правовая практика более раннего времени в той мере, в какой она становилась предметом изучения отечественных правоведов в пределах временных рамок исследования.

В качестве **предмета исследования** избран процесс развития отечественной теории конфедерации в обозначенные временные рамки. В работе изучаются тенденции доктринального развития категории конфедерации в отечественной политико-правовой мысли. При этом изучение этих тенденций охватывает не только то, как непосредственно менялось понимание данной категории в правовой доктрине (плоскость доктринального осмысления), но и то, как на такие изменения оказывали и оказывают влияние перспективы «позитивного» и «негативного» применения соответствующей категории в отечественной политико-правовой практике (плоскость практического преломления).

⁷ Лебедев, А.О. Федеративные идеи в российской науке конституционного права второй половины XIX века // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 4. С. 71.

Целью исследования является выработка системного представления о развитии теории конфедерации в отечественной политико-правовой мысли со второй половины XIX века по настоящее время в плоскостях доктринального осмысления и практического преломления. В рамках обозначенной цели решаются следующие **задачи**:

- 1) проанализировать влияние на развития теории конфедерации перспективы применения соответствующей категории в отечественной политико-правовой практике;
- 2) выделить и охарактеризовать этапы развития теории конфедерации в отечественной политико-правовой мысли;
- 3) выявить и объяснить специфику развития теории конфедерации в различных дисциплинах правоведения;
- 4) оценить влияние иностранной доктрины и практики на развитие теории конфедерации в отечественной политико-правовой мысли;
- 5) охарактеризовать вклад отечественных правоведов в развитие теории конфедерации.

В рамках работы **исследовательский вопрос** состоит в том, каким образом развивается теория конфедерации в отечественной политико-правовой мысли на выделенных этапах.

Степень научной разработанности темы исследования представляется недостаточной. Работы, посвященные развитию теории конфедерации в отечественной политико-правовой мысли, которые охватывали бы весь исследовательский период, в юридической литературе отсутствуют. В большинстве из них в качестве предмета изучается сама категория конфедерации и лишь «попутно» затрагивается ее развитие в политико-правовой мысли.

В дореволюционной литературе интерес к теме соединений государств в целом был незначителен. При этом в дореволюционной науке не устоялось четкое разграничение федерации и конфедерации, в связи с чем категория конфедерации рассматривалась в рамках учения о федерализме. История развития

теории конфедерации затрагивалась в работах А.А. Жилина («Теория союзного государства: разбор главнейших направлений в учении о союзном государстве»), А.С. Яценко («Теория федерализма: опыт синтетической теории права и государства») и М.Б. Горенберга («Теория союзного государства в трудах современных публицистов Германии»). А.А. Жилин уделяет теории конфедерации в целом немного внимания. Труд М.Б. Горенберга направлен на исследование не российской, а немецкой политико-правовой мысли. Лишь А.С. Яценко наряду с зарубежной доктриной охватывает развитие отечественной политико-правовой мысли по теме соединений государств, в том числе конфедерации.

Кроме того, без подробного изучения и обращения к истории развития доктринальных учений категория конфедерации затрагивалась в работах других отечественных ученых. Изучены труды таких государствоведов как А.С. Алексеев, И.Е. Андреевский, А.Д. Градовский, Ф.Ф. Кокошкин, М.Н. Коркунов, С.А. Корф, С.А. Котляревский, Н.И. Лазаревский, Б.Н. Чичерин, а также международно-правовые работы А.Л. Байкова, В.П. Даневского, П.Е. Казанского, Ф.Ф. Мартенса и М.Я. Пергамента. Помимо упомянутого труда А.С. Яценко к общетеоретическим работам, касавшимся категории конфедерации, можно отнести лишь еще одну его книгу «Международный федерализм: идея юридической организации человечества в политических учениях до конца XVIII века».

В советской литературе тема развития теории конфедерации в политико-правовой мысли также не привлекла к себе значительное внимание. Некоторый интерес к конфедерации как к самостоятельной категории можно отметить на начальном этапе советского государственного строительства в связи с дискуссией по вопросу взаимоотношений союзных республик до образования СССР. Вместе с тем соответствующая литература – к примеру, работы Н.И. Палиенко («Конфедерации, федерации и Союз Советских Социалистических Республик»), Г.Е. Поречина («Советские Республики в их взаимоотношениях») – была направлена не на исследование развития теории конфедерации, а на определение места данной категории в контексте советского государственного строительства.

После образования СССР советские авторы, к примеру, Э.Э. Понтович («Союз ССР как союзное государство») и М.О. Рейхель («Формы объединения советских социалистических республик»), концентрировались на идеологическом противопоставлении формы советской федерации буржуазным федерациям и конфедерациям при их внешних сходствах. Основное внимание уделялось разработке теории советского федерализма, в основе которой лежал принцип самоопределения народов в большевистской интерпретации. В связи с этим важное значение при исследовании советского федерализма в работах советских правоведов, к примеру, Д.Л. Златопольского («Государственное устройство СССР», «СССР – федеративное государство») и А.И. Лепешкина («Советский федерализм (теория и практика)»), придавалось не изучению достижений дореволюционной науки, а разработке марксистско-ленинских идей о федерации.

Категория конфедерации в советском правоведении имела значение прежде всего в контексте идеологически окрашенной критики буржуазной федерации как номинального явления, прикрывавшего фактически унитарное устройство. Конфедерация представлялась первоначальной формой объединения суверенных государств, которые по мере укрепления господства буржуазии утрачивали свой суверенитет, переходя к федеративному, а затем к унитарному устройству. Советские ученые – к примеру, Г.В. Александренко («Буржуазный федерализм. Критический анализ буржуазных федераций и буржуазных теорий федерализма») и И.Д. Левин («Суверенитет»), – рассматривали развитие зарубежной доктрины по данной теме как отражение продиктованной классовым развитием централизации. Разработка и применение достижений дореволюционной науки в советской политической практике не соответствовали скептическому восприятию конфедерации как буржуазного пережитка, в связи с чем после образования СССР непосредственно данной категории была посвящена только одна работа – статья Н.Н. Страхова «Понятие и сущность конфедерации», которая констатировала отсутствие в литературе конкретики в понимании конфедерации.

Релевантные для настоящего исследования вопросы также рассматриваются в советских работах по государственному праву таких авторов как И.Н. Ананов, К.А. Архипов, М.Ф. Владимирский, Г.С. Гурвич, Д.А. Магеровский, Б.Д. Плетнев, П.И. Стучка, А.М. Турубинер, Н.П. Фарберов. Также темы конфедерации касались общетеоретические работы, в том числе С.А. Голунского и М.С. Строговича, А.И. Денисова, М.П. Каревой, Я.М. Магазинера, М.А. Рейснера, М.И. Хмелинина, Н.В. Черноголовкина. В сфере международного права можно отметить работы Р.Л. Боброва и И.И. Лукашука, Ф.И. Кожевникова, С.Б. Крылова, В.И. Лисовского.

В отличие от советской литературы в современном правоведении отсутствует идеологическое предубеждение против буржуазной науки, в том числе достижений дореволюционного права. Значительное внимание уделяется анализу развития федерализма в политико-правовой мысли в дореволюционный период и переосмыслению советского наследия. Данные темы освещаются, в частности, в работах М.С. Саликова («Сравнительно-правовое исследование федеративных систем России и США»), А.Н. Лебедева («Периодизация и основные направления развития федеративных идей в российской империи (конец XVIII в. – начало XX в.)»), «Советские государствоведы о проблемах и перспективах развития советской федерации (1918–1985 гг.)»), А.О. Лебедева («Федеративные идеи в российской науке конституционного права второй половины XIX века»). Вместе с тем такие работы фокусируются прежде всего на федерации, лишь косвенно охватывая категорию конфедерации. Схожая ситуация наблюдается в работах, посвященных изучению взглядов российских правоведов. Так, В.Ф. Калина, обращаясь к изучению федерализма А.С. Яценко, лишь кратко упоминает конфедерализм⁸, который был важной составной частью его учения о федерализме.

В современном правоведении изучение конфедерации путем ее противопоставления федерации остается широко распространенным, встречаясь, к примеру, в статьях В.И. Лафитского («Дорога, ведущая в тупик? О

⁸ Калина, В.Ф. А.С. Яценко как первый Российский теоретик федерализма // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2011. № 8 (70). С. 228.

конфедеративной форме государственного устройства») и С.О. Азарова («Юридическая сущность конфедерации и федерации», «Правовые отличия конфедеративного государственного устройства от федерации»). Вместе с тем в литературе сформировался и другой подход, в основе которого лежит тезис о некорректности определения сущностных черт конфедерации «из <...> противопоставления федерации» по причине их разнородности⁹. В связи с этим появляются посвященные данной категории работы, в которых конфедерация исследуется с совершенно разных ее сторон вне рамок этого противопоставления.

Так, работа С.Ю. Михайловой («Конфедерация как международно-правовое объединение государств: вопросы теории и практики») направлена на изучение конфедерации в целом как межгосударственного объединения в контексте международных отношений. Значительное внимание конфедерации уделяется в общетеоретических работах. Труды А.В. Цыцугина («Современные виды объединений государств») и В.В. Елистратовой («Объединения государств: общетеоретический аспект») посвящены формам межгосударственных объединений, в качестве одной из которых, как и прежде, рассматривается конфедерация; исследование Р.В. Попова («Конфедерация государств: история и современность») концентрируется на изучении исторического конфедеративного опыта в других странах; статья Т.П. Евсеенко («Конфедерация как устойчивая форма государственного устройства») посвящена теме стабильности существования («устойчивости») конфедераций. Наконец, Г.А. Князев в своей работе («Конституционные основы конфедерации») исследует конституционно-правовую природу конфедерации. Вместе с тем данные работы не акцентируют внимание на развитии теории конфедерации в политико-правовой мысли, обращаясь к нему преимущественно лишь в полемических целях.

Важное значение для исследования современного этапа также имеют общетеоретические работы таких ученых как С.С. Алексеев, В.В. Лазарев и

⁹ Михайлова, С.Ю. Конфедерация как международно-правовое объединение государств: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук / С.Ю. Михайлова. Уфа, 2006. С. 7-8, 46-47.

С.В. Липень, Л.А. Морозова, В.С. Нерсисянц, а также других авторов. Тема конфедерации затрагивается в работах таких государствоведов как С.А. Авакьян, М.В. Баглай, В.А. Виноградов, В.Д. Мазаев и С.В. Масленникова (Васильева), Д.Л. Златопольский, А.Н. Кокотов, А.А. Мишин, В.Г. Стрекозов. Также автор обращается к международно-правовым работам Л.В. Гречко и Г.Г. Шинкарецкой, С.А. Гуреева, И.И. Лукашука, Н.А. Ушакова, а также других ученых.

Источники исследования можно разделить в зависимости от исследуемой плоскости развития теории конфедерации. Среди источников, изученных при исследовании политико-правовой практики, для удобства их систематизации возможно условное выделение группы правовых (юридических) источников, в которых непосредственно находит формальное закрепление и выражение релевантный правовой массив. В качестве таких источников, в частности, нами понимаются межгосударственные и внутригосударственные договоры и соглашения, нормативные и ненормативные правовые акты. Другой важной при исследовании политико-правовой практики группой источников, содержащих значимую правовую информацию, являются неправовые (неюридические) источники, которые не регулируют исследуемую сферу, но при этом отражают позиции отечественных политических деятелей и партий, а также политические взгляды отечественных правоведов. К ним относятся материалы заседаний государственных и партийных органов и съездов, материалы делопроизводства, программные документы партий, политические труды и проекты, переписка партийных деятелей, пресса и автобиографические материалы.

При исследовании доктринального осмысления в качестве источников автор использует работы, отражающие научные воззрения отечественных правоведов по теме конфедерации. Работы отечественных ученых также учитывались при изучении политико-правовой практики в той мере, в какой в этих работах проявляются политические взгляды авторов по вопросам территориального устройства России.

При оценке влияния иностранной науки на отечественную доктрину автор обращался к зарубежным трудам Федералистов Дж. Мэдисона (J. Madison) и

А. Гамильтона (A. Hamilton), основоположника теории прав штатов Дж.К. Кэлхуна (J.C. Calhoun), а также немецких правоведов З. Бри (S. Brie), Г. Еллинека (G. Jellinek), М. Зейделя (M. Seydel), П. Лабанда (P. Laband) и А. Меркеля (A. Merkel), упомянутого ранее британского политолога М. Форсайта и швейцарского ученого-юриста Дж. Малинверни (G. Malinverni). Наряду с этим были использованы зарубежные правовые (юридические) источники, оформлявшие конфедеративные отношения (в частности, Союзный договор швейцарских кантонов 1815 года, Утрехтская уния 1579 года, Статьи Конфедерации 1781 года, Акт Германского союза 1815 года) и отражавшие противоборство местной и центральной властей (к примеру, Акт Южной Каролины 1832 года о нуллификации).

Для исследования политико-правовой практики на дореволюционном этапе развития теории конфедерации были проанализированы правовые (юридические) источники, включая Свод Основных Государственных Законов (Свод законов Российской империи, том I, часть 1), манифесты Николая I и Александра I, отражавшие внешнеполитический курс в балканском вопросе, Положение об инородцах 1892 года и Свод законов гражданских (Свод законов Российской империи, том X, часть 1), акты Временного Правительства по национальному вопросу, акты окраин, отражавшие их антагонизм с центром, включая Универсалы Центральной рады и Закон об осуществлении верховной власти Финляндии, а также иные документы.

Применительно к данному этапу в качестве неправовых (неюридических) источников изучены конституционные проекты П.И. Пестеля и Н.М. Муравьева, работы И.С. Аксакова, М.А. Бакунина, А.И. Герцена, Н.Я. Данилевского, П.А. Кропоткина, М.П. Погодина, Г.Н. Потанина, материалы работы Совета министров в летний период 1915 года, воспоминания государственного деятеля С.Е. Крыжановского, программные документы политических партий, включая кадетов, эсеров, меньшевиков, энесов, Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России, Социалистическую еврейскую рабочую партию, а также партии национальных окраин, материалы I Всероссийского съезда Советов,

выразившего эсеро-меньшевистские подходы к решению национального вопроса, и московского Государственного совещания, охватившего широкий спектр политических течений. Автор также обращается к трудам российских правоведов, отражавшим полемику по проблематичным вопросам государственно-территориального устройства Российской империи. Касательно финляндского вопроса использовался также исторический труд К.Ф. Ордина, а в целях иллюстрации финляндской позиции – работы Л. Мехелина.

В отношении советского этапа в качестве правовых (юридических) источников были изучены акты II Всероссийского съезда Советов, Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, Конституция РСФСР 1918 года, которые определяли принципы государственного устройства, постановления ЦИК УССР и ВЦИК, а также резолюции Всероссийского и Всеукраинского съездов Советов, регулировавшие отношения РСФСР и УССР, договоры и соглашения между советскими республиками до образования СССР и иные документы. В качестве неправовых (неюридических) источников советского этапа изучены материалы VIII, X и XII съездов Российской коммунистической партии (большевиков), работы В.И. Ленина, ведомственные и партийные материалы, статьи в прессе, отражавшие позицию партийного руководства, и иные материалы.

В качестве правовых (юридических) источников в отношении современного этапа проанализированы Конституция и законодательство СССР в условиях перестройки в части отражения кризисных процессов союзного устройства, декларации союзных и автономных республик о суверенитете, в которых проявился процесс суверенизации, Федеративный договор 1992 года и Постановление Конституционного Суда Российской Федерации 2000 года, отразившие преодоление данного процесса на внутрirosсийском уровне, Устав СНГ, договоры о ЕАЭС и о создании Союзного государства, воплощающие интеграционные процессы на постсоветском пространстве, а также иные релевантные правовые источники.

В качестве неправовых (неюридических) источников исследуются проекты нового Союзного договора, материалы «новоогаревских» обсуждений, стенограммы

Съездов народных депутатов СССР и РСФСР, выступления М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина, отражающие дискуссию о заключении Союзного договора, стенограммы заседаний Конституционной комиссии и Верховного Совета Российской Федерации 1992 года, в которых проявлялась борьба центробежных и центростремительных сил в государственном строительстве. Также в отношении политико-правовой практики изучены материалы, характеризующие позиции российских правоведов, среди которых Э.М. Аметистов, В.Н. Кудрявцев, В.И. Лафитский, И.Ш. Муксинов, Б.Н. Топорнин и другие.

Методология и методы исследования. В качестве методологической базы работы помимо общенаучных методов исследования с учетом особенностей предмета применения и решаемых задач использованы частно-научные, к которым относятся следующие.

Во-первых, для анализа отечественных и зарубежных научных работ применяется юридико-герменевтический метод. Изложенные в них позиции понимаются в контексте конкретно-исторической политико-правовой реальности, что дает возможность установить авторское значение текстов. Отметим, что часто о политических предпочтениях авторов можно судить из написанных ими текстов.

Во-вторых, юридико-догматический метод используется автором в отношении правовых источников, регулирующих релевантные для настоящей работы общественные отношения, и их проектов, в которых проявлялись тенденции отечественной политико-правовой мысли, а также зарубежных правовых источников. Его использование позволяет установить реальное и потенциальное юридическое значение перечисленных источников.

В-третьих, автор обращается к историко-правовому методу при изучении содержания правовых источников, в том числе зарубежных, и их проектов. Данный метод позволяет учесть социально-политические условия подготовки и принятия, мотивы, цели и задачи принятия правового документа, обусловившие его содержание, а равно его влияние на политико-правовую реальность.

Научная новизна исследования обусловлена, во-первых, стратегией исследования, которая состоит в изучении этапов развития отечественной теории конфедерации в контексте политико-правовой практики форм политико-территориального устройства с позиций как доктринального осмысления, так и практического преломления. Такая стратегия исследования позволила установить влияние перспектив «позитивного» и «негативного» применения соответствующей категории на развитие теории отечественной конфедерации, а также выделить и охарактеризовать этапы такого развития.

Во-вторых, развитие теории конфедерации исследовано в работе с позиций влияния иностранной политической и правовой доктрины и практики, а также вклада отечественных правоведов в ее научное освещение. Автором также выявлены специфические черты рассмотрения категории конфедерации в различных юридических дисциплинах: в теории государства и права, в государственном (конституционном) и международном праве. Это позволило составить целостное представление о состоянии и возможных направлениях изучения данной научной темы.

В исследовании с учетом цели и задач исследования сформулированы и **выносятся на защиту следующие положения.**

1. Для развития теории конфедерации в отечественной политико-правовой мысли имеют определяющее значение перспективы «позитивного» и «негативного» применения соответствующей категории в политико-правовой практике, отражающие центростремительные и центробежные тенденции соответственно. Под влиянием возможности «негативного» применения, которое сопряжено с угрозой государственной целостности, в доктрине к категории конфедерация при ее противопоставлении федерации формируется скептическое отношение как к слабой форме соединения государств. Возможность «позитивного» применения не приводит к выводу о слабости конфедерации, а, напротив, коррелирует с ростом интереса к ней среди правоведов.

2. Развитие теории конфедерации в отечественной политико-правовой мысли можно разделить на дореволюционный (со второй половины XIX века вплоть до Октябрьской революции), советский (начиная с Октябрьской революции до 1988 года) и современный (с 1988 года по настоящее время) этапы. В основе каждого из этапов лежит политико-правовой кризис, применительно к которому можно говорить о перспективах «позитивного» или «негативного» применения категории конфедерации. Для дореволюционного этапа определяющее значение имел выразившийся в Первой русской и Февральской революциях кризис Российской империи как унитарного государства, в рамках которого требования окраин допускали «негативное» применение категории конфедерации. На советском этапе в качестве такого кризиса можно обозначить острую партийную полемику по вопросу союзного устройства при образовании СССР, отразившую противоречия центра и союзных республик в форме уклонов к «великорусскому шовинизму» и к «местному национализму». Отражая стремление к большей самостоятельности республик, «местный национализм» подразумевал возможность «негативного» применения категории конфедерации. На современном этапе развитие теории конфедерации детерминируется кризисом советской государственности, в рамках которого данная категория могла быть применена «негативно». Последствия этого кризиса в части дезинтеграции на постсоветском пространстве преодолеваются до сих пор, для чего конфедерация может быть использована «позитивно».

3. На каждом из этапов развитие отечественной теории конфедерации происходит под влиянием перспектив «позитивного» и «негативного» применения данной категории. До Первой русской революции конфедерация не вызывала большого интереса и изучалась прежде всего в рамках классификации соединений государств, признаваясь при этом сложным государством ввиду наличия у нее власти над субъектами. В результате кризиса Российской империи, в рамках которого существовал риск «негативного» применения, в науке утвердилось ее восприятие как международного правоотношения, в связи с чем конфедерация оказывалась неспособной обеспечить государственное единство.

На советском этапе до завершения образования СССР ряд авторов применял данную категорию к отношениям РСФСР и «договорных» республик, в чем можно усмотреть ее «позитивное» использование, обрамлявшее интеграцию советских республик. После образования СССР эти отношения были признаны государственно-правовыми, в связи с чем применение к ним категории конфедерации соответствовало ее «негативному» использованию. Под влиянием политико-правовой практики в науке утвердилось скептическое восприятие конфедерации как буржуазного пережитка. По мере развития кризиса советской государственности и преодоления его последствий перспективы применения категории конфедерации постепенно переставали быть «негативными» и приобретали «позитивный» характер, отражая сначала вынужденную альтернативу сепаратизму на союзном уровне, а затем интеграционные процессы на постсоветском пространстве. В связи с этим в науке происходит переосмысление данной категории, которая все чаще воспринимается как возможная форма интеграции.

4. Различное отношение к конфедерации в разных отраслях правоправедения объясняется спецификой их предмета. В государствоведении за данной категорией преимущественно признается международно-правовая природа. Огосударствление конфедерации обычно скептически воспринимается в литературе ввиду размывания понятия государственности. Будучи формой межгосударственного соединения, конфедерация лежит вне внутригосударственной плоскости, выходя за пределы предмета государствоведения. В общетеоретических работах вопрос о правовой природе конфедерации не имеет однозначного решения. Область соответствующих исследований включает проблематику интеграции, в связи с чем предмет таких работ не ограничен «пределами» государства и охватывает властные отношения вне этих пределов. В стремлении укрепить интеграционные процессы некоторые авторы придают этим отношениям государственно-правовой характер. Наука международного права, предметом которого являются международные сношения, на дореволюционном и советском этапах

преимущественно признавала конфедерацию государством ввиду ее способности участвовать в таких сношениях. На современном этапе происходит отказ от данного подхода с учетом изменений воззрений на международную правосубъектность.

5. Иностранная доктрина и практика оказали и до настоящего времени оказывают значительное влияние на развитие отечественной теории конфедерации. Отсутствие отечественной практики конфедеративного строительства на дореволюционном этапе означало для ученых необходимость обращаться к исследованию иностранного опыта, восприятие которого происходило через призму иностранной доктрины. Тезис о слабости конфедерации как формы соединения государств был высказан в американской полемике Федералистов и сторонников прав штатов, реципирован немецким правоведением при осмыслении перехода от конфедеративного к федеративному устройству, а затем воспринят в отечественной науке на фоне угрозы целостности Российской империи. Скептическое отношение к конфедерации соответствовало ее восприятию советскими учеными как буржуазного пережитка, в связи с чем на советском этапе понятие конфедерации не было подвергнуто существенной переработке. В результате современная российская политико-правовая мысль в значительной мере усвоила достижения американской и немецкой науки по исследованию конфедеративного опыта. Современные тенденции к переосмыслению этих достижений во многом берут начало в зарубежной политико-правовой мысли.

6. Роль отечественных правоведов в разработке теории конфедерации в значительной мере состоит в развитии идей зарубежной политико-правовой мысли. Самостоятельный вклад имеет место в части обоснования государственно-правовой природы конфедерации. Так, до Первой русской революции ощутимую поддержку в государствоведении (А.Д. Градовский, Б.Н. Чичерин, М.И. Свешников, И.Е. Андреевский) получило признание конфедерации сложным государством ввиду наличия у нее власти над субъектами. В советской общетеоретической и государственно-правовой литературе признание за конфедерацией государственности объяснялось классовым развитием буржуазных стран, при

котором переход от конфедерации к федерации воспринимался как процесс централизации государственной власти. На современном этапе тезис о государственно-правовой природе конфедерации связан с переосмыслением советского опыта устройства вертикальных связей (Г.А. Князев), со сферой деятельности по осуществлению суверенных функций, которую ее субъекты ведут совместно (С.С. Алексеев, Р.В. Попов), или, как и до Первой русской революции, с властным характером отношений центра и субъектов конфедерации (Т.П. Евсеенко).

Исследование обладает высокой **теоретической и практической значимостью**. Теоретическая значимость его результатов состоит в формировании комплексного представления о развитии теории конфедерации в отечественной политико-правовой мысли, которое охватывает и доктринальную, и практическую плоскость на дореволюционном, советском и современном этапах. Практическая значимость результатов исследования состоит в возможности их использования при изучении форм межгосударственных объединений, их систематизации, а равно в проектировании конфедеративных моделей на основе достижений отечественной политико-правовой мысли.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. В рамках апробации результатов исследования положения диссертация обсуждались в департаменте теории права и сравнительного правоведения.

По теме диссертационного исследования автором опубликованы 4 статьи общим объемом около 3,4 п.л. (личный вклад – около 3 п.л.), 3 статьи из них – в изданиях, входящих в перечень рекомендованных журналов НИУ ВШЭ.

Тематике исследования были посвящены выступления автора на круглом столе «Советский федерализм как политико-правовой феномен: теоретические и исторические проблемы исследования» (Нижний Новгород, 22.10.2021) с докладом на тему: «О природе отношений между союзными республиками до образования СССР», научных конференциях «Институты российской государственности в условиях перемен первой трети XX в. (к 115-летию издания «Основных государственных законов Российской империи» 1906 г.)», «Правовые

аспекты интеграции на евразийском пространстве (к 100-летию образования СССР)» (Санкт-Петербург, 14.05.2021 и 13.05.2022) с докладами на темы: «Взгляды А.С. Яценко о конфедеративном устройстве» и «Договорные модели регулирования отношений между союзными республиками до заключения договора об образовании СССР», форуме «Актуальные проблемы сравнительно-исторического правоведения и теоретико-правовых исследований» (Москва, 17.03.2023) с докладом на тему: «Местный уклон в вопросе советского национально-государственного строительства».

Структура диссертации, состоящая из введения, трех глав, заключения и списка литературы, обусловлена целью, задачами и стратегией исследования. Каждая глава посвящена одному из выделенных этапов (дореволюционному, советскому и современному) развития теории конфедерации в отечественной политико-правовой мысли и включает по два параграфа, в которых такое развитие рассматривается в плоскостях практического преломления и доктринального осмысления соответственно.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении определяется объект, предмет, цель и задачи исследования, характеризуется научная разработанность темы, обосновывается актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, описываются его источники, методология и методы исследования, структура, приводятся положения, выносимые на защиту, а также сведения об апробации результатов исследования.

В главе 1 исследуется развитие теории конфедерации в отечественной политико-правовой мысли на дореволюционном этапе. В параграфе 1.1 определяется место темы соединений государств, в том числе категории конфедерации, в политической жизни дореволюционной России. Параграф 1.2 посвящен анализу развития взглядов дореволюционных правоведов на соответствующую категорию с учетом политического контекста.

В параграфе 1.1 отмечается, что тема соединений государств ко времени революции 1917 года вызывала в обществе повышенное внимание. Вместе с тем данная тематика не была подробно разработана в отечественной политико-правовой мысли. Автор разделяет точку зрения А.А. Жилина, что разработка соответствующей проблематики характерна для стран, которые прибегали к сложному политико-правовому устройству, в то время как российская политико-правовая жизнь долго обходила тему соединений государств стороной. Данная тема приобретает актуальность в периоды кризисных процессов, проявившихся в ходе Первой русской революции и Февральской революции. В связи с этим автор разделяет дореволюционный этап на две части в зависимости от интереса к данной тематике, обусловленного возможным применением различных категорий соединений государств, в том числе конфедерации.

Автор констатирует, что в первой части за исключением «официального федерализма» либерального периода правления Александра I, к теме соединений государств обращались не часто. Данная тема поднималась декабристами, среди которых были как сторонники федерализации (Н.М. Муравьев), так и ее противники (П.И. Пестель), сторонниками социализма (А.И. Герцен), анархизма (М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин) и панславизма (И.С. Аксаков, Н.Я. Данилевский, М.П. Погодин), а также представителями национальных окраин (члены Общества святых Кирилла и Мефодия, М.П. Драгоманов). Вместе с тем национальные движения (кроме польского и финляндского) в целом не имели какой-либо определенной формы до Первой русской революции, когда соответствующие идеи кристаллизовались в конкретные политические требования.

В то же время национальный вопрос оказывал ощутимое влияние на устройство Российской империи, проявляясь в наличии в ее составе образований с особым правовым статусом. В связи с этим ряд авторов (А.Д. Градовский, В.И. Сергеевич, Б.Н. Чичерин) применительно к отдельным периодам предлагали рассматривать отношения Российской империи с окраинами (Финляндия, Польша, Малороссия) как случаи унии. Вместе с тем в литературе

господствовала позиция об унитарной природе Российской империи. Отдельно в рамках данной проблематики автор останавливается на финляндском вопросе.

Во второй части нараставший кризис Российской империи отразился в обострении национального вопроса. На окраинах активизировался поиск его решения, в рамках чего соответствующие идеи кристаллизовались в конкретные политические требования окраин о переустройстве империи посредством ее федерализации или введения в ней территориальных и национально-культурных автономий. Антагонизм центра и окраин проявился в том, что подобные идеи воспринимались всероссийскими партиями неоднозначно, находя отклик лишь у левых политических сил и у отдельных представителей кадетов. Стремления окраин, прежде всего национальных, к самостоятельности вызывали обеспокоенность российской общественности за сохранение государственной целостности Российской империи. В рамках Первой русской революции национальный вопрос не получил разрешения, в связи с чем на отрезке времени до Февральской революции нарастал антагонизм центра и окраин.

В период Февральской революции попытки решить национальный вопрос предпринимались Временным Правительством. Вместе с тем принимаемые меры правительства не предполагали политико-территориальных изменений и были направлены скорее на поддержание статуса-кво. По сравнению с периодом Первой русской революции позиции таких всероссийских партий, как кадеты, эсеры и меньшевики, по вопросу формы государственного устройства стали более консервативными. Даже левые партии, продолжая поддерживать идеи автономии и федерации, стремились отложить решение национального вопроса до проведения Учредительного собрания. Такой подход названных всероссийских партий не мог удовлетворить стремление окраин к самостоятельности, в связи с чем соответствующие требования самого разнообразного толка, в том числе конфедеративного характера, все больше наполняли политическую повестку.

В параграфе 1.2 отмечается, что недостаток отечественной практики применения конструкций соединений государств требовал обращения к

зарубежному опыту, который воспринимался опосредованно через призму иностранной науки. В связи с этим отечественные исследования часто представляли собой анализ достижений зарубежной политико-правовой мысли и редко уделяли достаточное внимание практической стороне вопроса. Автор подробно останавливается на том, как тезис о слабости конфедерации как формы соединения государств был высказан в американской полемике Федералистов и сторонников прав штатов, реципирован немецким правоведением при осмыслении перехода от конфедеративного к федеративному устройству, а затем воспринят в отечественной науке на фоне угрозы целостности Российской империи.

В параграфе показывается, что в зависимости от практических потребностей категории «конфедерация» в разных отраслях правоведения уделялось различное внимание. В международно-правовой сфере идеи образования союзных структур с участием России (прежде всего панславистские) остались далеки от практической реализации, в связи с чем значение конфедерации осталось малоизученным в международном праве. В литературе высказывались различные позиции по поводу сущности данной категории, которая могла рассматриваться как способное участвовать в международных сношениях сложное государство (В.П. Даневский, Ф.Ф. Мартенс), как образованное в качестве вторичного субъекта юридическое лицо (А.Л. Байков) или как международно-договорное правоотношение (П.Е. Казанский, М.Я. Пергамент).

Применительно к сфере государствоведения автор, ввиду изменения практических потребностей использования темы соединений государств, делит дореволюционный этап на две части. В первой части интерес вызывала квалификация взаимоотношений Российской империи с окраинами, в связи с чем практическое преломление темы соединений государств было связано главным образом с категорией унии. Категории федерации и конфедерации затрагивались лишь в целях полноты догматического освещения темы соединений государств. Поддержку в литературе получило признание конфедерации сложным

государством, в основе чего лежало наличие у нее власти над своими субъектами (А.Д. Градовский, Б.Н. Чичерин, М.И. Свешников, И.Е. Андреевский).

Вторая часть характеризовалась ростом практического интереса к категории федерации, в связи с чем конфедерации рассматривалась прежде всего в рамках противопоставления федерации. Категория конфедерации фактически оппонировала государственному единству, что потенциально вступало в конфликт с отнесением конфедерации к сложным государствам. В результате в государственоведении утвердился подход к конфедерации как к международному правоотношению (А.А. Жилин, Ф.Ф. Кокошкин, С.А. Котляревский).

Среди общетеоретических работ тема конфедерации поднималась лишь в трудах А.С. Яценко при изучении международного федерализма. Категория конфедерации отражала рост унитаризма относительно неупорядоченных международных отношений. Автор характеризует эволюцию взглядов А.С. Яценко от признания международно-правовой природы конфедерации в сторону ее огосударствления. Такой переход был обусловлен стремлением укрепить положение центральной власти, которая формировалась в результате роста унитаризма.

В главе 2 исследуется развитие теории конфедерации в отечественной политико-правовой мысли на советском этапе. В параграфе 2.1 определяется место категории конфедерации в рамках советского государственного строительства и ее восприятие в этом контексте. Параграф 2.2 посвящен анализу развития взглядов советских правоведов на соответствующую категорию с учетом политического контекста.

В параграфе 2.1 отмечается, что теория конфедерации в сравнении с дореволюционным этапом получила в советском государственном строительстве значительно большее практическое преломление. Автор останавливается на отношении большевиков к категории автономии как к средству обеспечения демократичности государственного устройства и к категории буржуазной федерации как к средству национального разделения пролетариата без предоставления окраинам возможности самоопределения. В результате для

советской политической практики характерным было идеологическое противопоставление советского и буржуазного федерализма как добровольного и насильственного соответственно.

Автор разделяет советский этап развития теории конфедерации на две части: до и после образования СССР. До завершения образования СССР сфера возможного использования данной категории была весьма обширна. Ряд авторов (К.А. Архипов, М.А. Рейснер) применял ее к первоначальным отношениям между местными советами внутри Советской России, которые в процессе федерализации утратили свою самостоятельность. Однако уже при обсуждении проектов первой Конституции РСФСР такая позиция подверглась критике как антисоветский подход.

Трудности в отношениях с окраинами обуславливали особый подход к ним со стороны большевиков, что отразилось на правовом оформлении соответствующих отношений посредством межгосударственных договоров, в которых признавалась государственная независимость «договорных» республик. В первой части советского этапа по вопросу квалификации таких отношений в литературе существовало два подхода. Государственный подход (Б.Д. Плетнев, М.А. Рейснер, П.И. Стучка) рассматривал «договорные» республики в качестве частей российского государства, воспринимая союзные отношения исключительно как государственно-правовые. Конфедеративный подход (Н.И. Палиенко, Г.Е. Поречин) признавал за союзными отношениями в некоторой мере конфедеративные черты.

Вторая часть советского этапа характеризовалась скептическим восприятием категории конфедерации как буржуазного пережитка, при котором классовым интересам интернационального пролетарского единства противопоставлялись национальные. Такое отношение сформировалось в ходе партийной дискуссии по вопросу реформирования системы, установленной союзными договорами, и образования СССР. В связи с этим СССР уже по идеологическим причинам не мог быть признан конфедерацией.

Образование СССР оказало заметное влияние на восприятие существовавших прежде союзных отношений, поставив под сомнение и государственный, и конфедеративный подходы. Сформировавшееся в советской политической практике негативное восприятие категории конфедерации делало конфедеративный подход неприемлемым для советской доктрины. В результате в советской науке утвердилась точка зрения, что союзные отношения до образования СССР имели федеративный характер (И.Н. Ананов, Д.Л. Златопольский, Ю.С. Кукушкин, Д.А. Магеровского, О.И. Чистяков).

В параграфе 2.2 отмечается, что в советской литературе было немного работ, посвященных изучению категории конфедерации. Такое положение дел объяснялось скептическим отношением к данной категории как буржуазному пережитку. Взгляд о несовместимости конфедерации и социалистического правопорядка в советской науке утвердился не сразу, а сложился под идеологическим влиянием при осмыслении политической практики.

В первой части до образования СССР категория конфедерации вызывала у некоторых правоведов интерес в части возможного ее применения к отношениям между советскими республиками. При этом подходы к категории конфедерации по своей сути соответствовали ее дореволюционному пониманию (Н.И. Палиенко, Г.Е. Поречин, Я.М. Магазинер). При этом использование советскими учеными конструкций буржуазного права носило прежде всего утилитарный характер. Более широкое распространение (К.А. Архипов, Н.В. Крыленко, М.А. Рейснер, П.И. Стучка) получил тезис о неспособности буржуазной науки адекватно отражать сущность соединений государств, в связи с чем буржуазное деление на конфедерации и федерации оказывалось несостоятельным. Вопрос признания соединения государств государством зависел не от формы такого соединения, а от того, насколько сильна была связь государств, которые находились в соединении.

Во второй части образование СССР как федерации особого типа идеологически противопоставило сами советские формы федерализма

буржуазным категориям федерации и конфедерации. В связи с несоответствием буржуазных форм пролетарской сущности непосредственное применение этих форм квалификации советской политической практики оказалось невозможным. К буржуазным категориям обращались прежде всего в целях определения сущности советского федеративного устройства за счет их контрастного сравнения.

Наибольшее внимание конфедерации было уделено в советском государствоведении, перед которым стояла задача отграничить СССР как федерацию особого типа от буржуазных категорий федерации и конфедерации. Тезис о государственно-правовой природе конфедерации (Н.П. Фарберов) исходил из восприятия централизации государственной власти как части общего процесса развития буржуазных стран; позиция о ее международной-правовой природе (Г.В. Александренко, Д.Л. Златопольский, И.Д. Левин) была во целом преемственна буржуазной науке. Данный вопрос хотя и не был разрешен, не оказал принципиального влияния на выделяемые признаки конфедерации. Само понятие конфедерации не претерпело существенных изменений в сравнении с буржуазной наукой. При этом значимые перемены произошли в соотношении категорий конфедерации и федерации, на чем подробно останавливается автор.

В общетеоретических и международно-правовых работах конфедерации уделено гораздо меньше внимания. В общетеоретической литературе за ней признавалась государственно-правовая природа, что можно объяснить наличием, с точки зрения советских правоведов, функции подавления эксплуатируемых классов (С.А. Голунский, М.С. Строгович, А.И. Денисов, Н.Н. Страхов). В науке международного права конфедерация в целом также рассматривалась как сложное государство в силу наличия у нее возможности участвовать в международных отношениях (Ф.И. Кожевников, С.Б. Крылов, В.И. Лисовский).

В главе 3 исследуется развитие теории конфедерации в отечественной политико-правовой мысли на современном этапе. В параграфе 3.1 определяется место категории конфедерации в политико-правовой практике и ее восприятие в

этом контексте. Параграф 3.2 посвящен анализу развития взглядов современных правоведов на соответствующую категорию с учетом политического контекста.

В параграфе 3.1 отмечается, что в сравнении с предшествующими этапами теория конфедерации получила на современном этапе существенное практическое значение. Рост интереса в доктрине и практике к данной категории происходит в контексте кризиса советской государственности. Восприятие данной категории претерпело существенные изменения вместе с потенциальной сферой ее применения до и после распада СССР.

В первой части до распада СССР кризис советской государственности анализируется на союзном и республиканском уровнях. Автор подробно рассматривает процессы суверенизации союзных республик и автономий и характеризует их взаимосвязь, при которой, с одной стороны, суверенизация союзных республик была предпосылкой суверенизации автономий и, с другой стороны, суверенизация автономий способствовала укреплению независимости союзных республик от союзного центра. Также значительное внимание уделяется анализу проектов нового союзного договора, в которых отражался процесс суверенизации. При этом автор отмечает, что все проекты союзного договора предполагали скорее конфедеративное устройство, поскольку уже в первом из них изменение компетенции союза требовало консенсуса всех его субъектов.

Вопросы общесоюзной и республиканской государственности были прежде всего политическими, в связи с чем правовая форма их решения диктовалась во многом личными убеждениями российских правоведов. Ввиду угрозы государственному единству у отечественных правоведов сложилось преимущественно скептическое отношение к категории конфедерации. Вместе с тем в доктрине вынужденно сформировался компромиссный подход, допускавший ограниченное применение данной категории как способа преодоления сепаратизма.

Во второй части в результате распада СССР суверенизация перестала быть общим процессом для союзного и республиканского уровней. На союзном уровне с обретением государственной самостоятельности суверенизация бывших

союзных республик завершилась. На республиканском уровне процесс суверенизации продолжился, приобретая все более резкие формы столкновения центробежных и центростремительных тенденций. После подписания Федеративного договора в России постепенно происходит изживание центробежных проявлений в государственном строительстве, в связи с чем с ослаблением угроз сепаратизма категория конфедерации перестает восприниматься только в контексте ее «негативного» применения.

В то же время на постсоветском пространстве происходит поиск форм интеграции, не затрагивающих государственность бывших союзных республик. Одной из таких форм может выступить «позитивное» применение категории конфедерации. Автор кратко рассматривает межгосударственные образования (СНГ, ЕАЭС, Союзное государство России и Беларуси) на постсоветском пространстве на предмет их восприятия в литературе как конфедеративных. Отдельно в рамках вопроса о природе Союзного государства России и Беларуси уделяется внимание соотношению его характеристик с признаками «классических» конфедераций.

В параграфе 3.2 отмечается, что с 80-х годов прошлого века в зарубежной литературе складывается тенденция к росту интереса к категории конфедерации, при которой происходит ее критическое переосмысление, что обусловлено возможностями применения данной категории как средства разрешения современных политических проблем. Рост интереса к конфедерации характерен и для российской науки на современном этапе, что отражается в появлении в отечественном правоведении работ, предметом которых является непосредственное доктринальное осмысление данной категории.

Современный этап развития теории конфедерации можно условно разделить на две значимые части в зависимости от возможной роли соответствующей категории в политической практике. В первой части категория конфедерации рассматривалась как способ преодоления сепаратизма, в связи с чем в отношении нее можно говорить о сдержанном ревизионизме, при котором некоторые правоведы вынужденно допускали ее ограниченное «негативное»

применение. Автор изучает взгляды В.И. Лафитского, Б.М. Лазарева и Б.Н. Топорнина и приходит к выводу, что представления о конфедерации во многом оставались преемственны дореволюционным идеям и находились под влиянием тезиса о слабости конфедерации как формы соединения государств.

Во второй части после распада СССР конфедерация начинает восприниматься как перспективное средство обррамления интеграционных процессов. В связи с этим рост интереса к ней, который характерен для зарубежной науки, проявляется и в отечественном правоведении. Под влиянием перспектив «позитивного» применения категории конфедерации в российском правоведении, как и в зарубежной литературе, можно говорить о тенденции к критическому переосмыслению устоявшихся представлений о практической непригодности данной категории исходя из исторического опыта. При этом автор обращает внимание, что такое переосмысление затрагивает традиционно выделяемые признаки конфедерации, переоценка которых обострила проблему понятийной неопределенности конфедерации. Автор полагает, что решение данной проблемы состоит в отказе от рассмотрения в качестве сущностных признаков конфедерации внешних черт различных ее моделей.

Затем автор подробно останавливается на вопросе восприятия природы конфедерации в разных отраслях правовой науки. В конституционном праве, которое прежде всего касается институтов на внутрироссийском уровне, огосударствление конфедерации не получает широкой поддержки ввиду размывания понятия государственности. Отдельно уделяется внимание позиции Г.А. Князева, рассматривавшего конфедерацию в рамках конституционно-правового осмысления интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Огосударствление конфедерации чаще встречается в общетеоретических работах в связи с возможностями ее «позитивного» применения в рамках интеграции на постсоветском пространстве. Особое внимание при этом уделено взглядам С.С. Алексеева и Р.В. Попова, которые связывают государственно-правовую природу конфедерации со сферой деятельности по осуществлению

суверенных функций, которую ее субъекты ведут совместно, и позиции Т.П. Евсеенко, который признавал государственно-правовую природу конфедерации ввиду властного характера отношений центра и ее субъектов.

В международно-правовой литературе вопрос о государственности конфедерации также не получил однозначного решения. Автор освещает позиции, признающие конфедерацию государством (К.А. Бекашев, П.П. Кремнев, И.И. Лукашук), международной (Л.В. Гречко, Г.Г. Шинкарецкая) или наднациональной организацией (С.Ю. Михайлова, Н.А. Ушаков). Отдельно в части придания конфедерации властного характера автор останавливается на взглядах С.Ю. Михайловой, исходящей из единства суверенитета конфедерации и ее субъектов, и Н.А. Ушакова, по сути рассматривавшего конфедерацию в качестве «агента», которому переданы суверенные полномочия.

В заключении в обобщенном виде подведены итоги диссертационного исследования, а также отмечены перспективные направления изучения конфедерации в отечественной юриспруденции.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

По теме диссертационного исследования опубликованы 4 статьи общим объемом около 3,4 п.л. (личный вклад – около 3 п.л.), в том числе 3 статьи из них – в изданиях, входящих в перечень рекомендованных журналов НИУ ВШЭ (Список С и D):

1. Zobnin, V., Kolosov, I. Philosophical and Legal Russian Thought at the Late 19th - Early 20th Century Period on the Status of Finland in the State Structure of the Russian Empire // *Wisdom*. 2023. Т. 25. № 1. Р. 264-274.

2. Зобнин, В.С. Мифы о конфедеративном устройстве: нуллификация и сецессия // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*. 2022. № 2 (49). С. 37-46.

3. Зобнин, В.С. Правовая природа отношений между союзными республиками до заключения Договора об образовании СССР // Российский юридический журнал. 2022. № 3 (144). С. 16–25.

Публикации в изданиях из перечня ВАК:

4. Зобнин, В.С. Правовая природа Союзного государства России и Беларуси // История государства и права. 2023. № 2. С. 31-37.